

INTERNAL MOTIVATION OF THE PHRASEMA IMAGE BASIS AS A WAY OF REFLECTING THE MENTAL PICTURE OF THE WORLD

Abstract: The paper treats the image basis of phraseology which is founded on a specific act; it is characteristic of a specific people and reflects the specific view of the native speakers. It is connected both with objective factors such as the geographical location of the country, its climate, specific way of life, its history, etc., and with the mentality of the peoples.

Author information:

Stefka Georgieva

Prof., PhD

Plovdiv University of Paisii Hilendarski

✉ stefka3@abv.bg

🌐 Bulgaria

Keywords:

phraseme, image basis, national culture, ethnicity, mentality, national picture of the world

Каждый язык имеет в своем составе фонд языковых единиц, которые родились в определенной национальной среде, связаны с рядом экстралингвистических факторов и характерны только для этого народа. Во фразеологии ярче, чем в какой-либо другой системе языка проявляются особенности национального мышления, ментальность народа, восприятия мира, его категоризация и концептуализация. «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная» [2, с. 85].

Фразема – это устойчивое экспрессивное словосочетание с закрепленной структурой, семантикой и значением, воспроизводимое в готовом виде. Семантическая монолитность (цельность номинации) и имплицитная семантическая членимость (выводимость значения) такого сочетания рассматриваются нами как нерасторжимые противоположности диалектического единства фразеологического знака. Фраземы выполняют функции знаков «языка» культуры, они не только выражают, но и формируют культурное самосознание этносов.

Фраземы составляют фразеологический фонд языка, а в нем отражена своеобразная картина мира, взгляд человека на природу, время, пространство, его оценки событий и фактов и др. Это могут быть как утвердившиеся десятилетиями и даже столетиями языковые единицы, зафиксированные в словарях, так и новые, бытующие активно в языке последние годы. Фразеологический состав каждого языка ярко демонстрирует закодированную этнокультуру языковыми средствами, поскольку в образной основе фразеологизмов отображаются характерные особенности мировосприятия носителей того или иного языка.

Последние исследования фразеологических фондов разных языков убеждают, что моделирование устойчивых единиц подчинено законам теории языковой личности, что когнитивные механизмы универсальны, поэтому осуществляемое в них моделирование этих механизмов даже не предполагает учета этнокультурных особенностей близкородственных языков. “Современная концепция национальной специфики фразеологических систем разных языков основывается на признании того факта, что познание человеком действительности имеет интернациональный характер, в котором нет каких-либо национальных ограничений”

[1, с. 74]. Национально-культурная специфика структур проявляется при их вербализации, тогда проявляется не только универсальное, но и специфическое в способах и средствах фразеологической концептуализации в разных языках, моделируются отдельные фрагменты языковой картины мира.

Национальная специфика фразем наиболее ясно выделяется при сопоставлении разных языков. Она обуславливается двумя факторами – объективным и субъективным. “Объективный заключается в природных и культурных реальностях, свойственных жизни данного народа и не существующих в жизни другого. Субъективный фактор состоит в произвольной избирательности, когда слова, отражающие одни и те же реальности, представлены различно во фразеологии разных языков [3, с. 206].

Контрастивное описание фразеологизмов помогает раскрыть этническую логику, предопределяющую различия «наивных» культурно-языковых картин мира, так как именно во фразеологии наиболее ярко отражается осязаемый предметный и чувственно-эмоциональный мир человека. В процессе фразеологического семиозиса окружающая реальность кодируется с помощью фразеологических знаков. Специфика такой номинации заключается в том, что фраземы именуют фрагменты действительности (лакунарные пространства действительности) уже названные однажды (первичная номинация), и, таким образом, являются знаками вторичной или косвенной номинации. Сопоставление механизмов косвенной номинации в разных языках способствует выявлению тех идиоэтнических особенностей вербального мышления и восприятия действительности языковыми коллективами, которые находят отражение во фразеологической картине мира. Кроме того, такие исследования позволяют выявить не только широкий набор тождественных черт разноязычных фразем, но также и раскрыть идиоэтническую специфику плана выражения фразем, своеобразии механизма их образного переосмысления, чем и объясняется очевидная значимость проводимых контрастивных фразеологических исследований.

На всем протяжении развития этносов в их языках накапливался и продолжает накапливаться самобытный и неповторимый духовно-практический опыт народа, воплотивший в себе все перипетии его исторической судьбы и закодированный в образной основе устойчивых единиц. Например, русские фраземы *погиб как швед под Полтавой; во всю ивановскую; коломенская верста; есть березовую кашу; ни пуха, ни пера* и т.п. и болгарские *днес везир, утре резил; минава през турски гробища; овчарчето Калитко; Марко Тотев; Гюро Михайлов* и др. самобытны, их образная основа связана с конкретным событием, речевой ситуацией, бытом людей, значения которых встречаются в других языках, но образная основа другая.

Реконструкция образа, ведущей когнитивной структуры в семантике фраземы, направлена на выявление типичного представления, лежащего в ее основе. Носителями такого типичного представления являются входящие в их компонентный состав символы – этнокультурные эталоны мировосприятия. В них заложен выработанный веками опыт коллективного представления о познаваемом объекте, сфокусированный в языковом сознании данного народа. Поэтому систему фразеологических значений как интерпретированного в ценностно-смысловой парадигме субъективного компонента национальной ментальности „можно соотнести с лингвокультурной компетенцией человека, в основе которой лежат а) стереотипность, символичность и б) образность фраземы. Это, в свою очередь, обуславливает лингвокультурную специфику на разных этапах формирования фразеологической семантики, важнейшими механизмами которой являются процессы взаимодействия и отражения“ [6, с. 154].

Язык хранит информацию о жизни “ментального мира”, то есть о том, как человек воспринимал мир, постигал окружающую действительность, осознавал себя, свою роль, место в ней. Фраземы по сути своей антропоцентричны, а их образная основа позволяет видеть в них некоторую модель национального менталитета. “Контрастивное направление

оперирует более широким контекстом – избирательностью образного мировидения того или иного народа, которая проявляется и в различиях отбора образных оснований фразеологизмов, что и рассматривается как косвенное подтверждение их связи с окультуренным мировосприятием” [9, с. 15]. Например, /р/ у него не все дома и /б/ хлопа му дъската – знач. „глупый“. Данные метафоры используются для обозначения „отсутствия ментальных способностей человека“, они базируются на общем принципе `отклонения от нормы`. Принцип метафоры позволяет новой ментальной сфере представить себя через другую, уже известную сферу, т.е. это способ думать об одной содержательной области понятиями другой, уже усвоенной человеком областью. По словам Дж. Лайкофа, способность метафоризации лежит в основе эволюции сознания, так как абстрактные когнитивные структуры формируются на основе метафорических переносов и отрыва от конкретной предметности мироощущения людей.

Вопрос о внутренней форме фразеологических единиц (ФЕ) рассматривается в исследованиях В. П. Жукова, Л. И. Ройзензона, В. Н. Телия, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Н. Ф. Алефиренко, Д. О. Добровольского, А. Н. Баранова, С. С. Волкова, В. Кювлиевой, С. Калдиевой-Захариевой и др. По их мнению, изучение внутренней формы ФЕ необходимо для уяснения образности, специфики фразеологического значения и путей его развития. Внутренняя форма ФЕ закодировала как универсальные, общечеловеческие особенности, так и специфические для каждого языка и народа явления. Наблюдения над внутренней формой ФЕ позволяют сделать следующие выводы, связанные с ментальностью народов.

1. Образная основа построена не на квазивизуальных представлениях, а на знаниях и операциях над ними, на обиходно-бытовом опыте народа – носителя языка. Например, *без сучка без задоринки (идти, проходить; быть) – (всичко върви) като по вода* – знач. “какое-либо дело или событие совершается очень гладко, без каких-либо затруднений, препятствий”. Русский оборот возник в профессиональной речи столяров. Слова *сучок* и *задоринка* в этом выражении обозначают “остаток от срезанного бокового отростка ствола в бревне, доске” и “шероховатость, зацепина на гладкой поверхности доски”. Смысл выражения *без сучка и задоринки* обозначал “очень гладко”. Гладкая отделка дерева с помощью различных инструментов была показателем высокого качества работы [10, с. 559]. Болгарский оборот связан со свойством *воды* уносить все без затруднений. Образная основа лежит в процессе номинации значения фраземы, предопределяет мотивацию, а также функционально-стилистические особенности устойчивой единицы.

2. Особенности образной основы проявляются на уровне наивной концептуализации мира. Например, *зарубить на носу – сложя/ окача си обица на ухото* – знач. “хорошо запомнить что-либо”. В русской ФЕ представление о прочном запоминании связано с зарубкой, которую наносят для памяти, а в болгарской ФЕ – с серьгой на ушах. Актуальное значение фразем, в данном случае, связано со спецификой их образного компонента, который в обоих языках разный, но выполняет одну и ту же функцию.

3. Обыденные знания служат основой формирования актуального значения ФЕ. Например, *биться как рыба об лед – мятат се като риба на сухо* – знач. “безуспешно добиваться чего-либо”. В обоих языках безрезультатность действий связана с поведением рыб: в русской ФЕ – пойманные рыбы брошены на лед, а в болгарской – на безводное место, от нехватки кислорода рыбы судорожно изгибаются. Мотивация фразем является концептуальным мостом между „буквальным“ и „образным“ в языке.

4. Внутренняя основа закодировала разные способы осмысления одного и того же явления, события, факта и т.п. Эти способы интерпретации зафиксированы в языке и являются частью мировосприятия данного языкового и культурного сообщества. Таким образом, ФЕ образуют синонимический ряд. На основе внутренней формы когнитивной структуры, можно осуществить семантическую дифференциацию разных ФЕ. Например, доминанта “малолетний”: /р/ *молоко на губах не обсохло у кого* – /б/ *оце му мирише устата*

на мякко; желторотый птенец – още има жълто около устата/ на гагата/ под мустака; с жълто е около устата – знач. “Кто-либо еще слишком молод, неопытен” (Образная основа раскрывает представления о внешних отличительных свойствах, это *молоко* и *желтизна*); /р/ пешком под стол ходит; от горшка два (три) вершка; от земли не видать /не видно кого – /б/ педя човек/ две педи човек (човеченце) – знач. “Кто-либо еще слишком маленький, еще не вырос” (Образная основа раскрывает представления о росте); *молодо-зелено* – *млад и зелен* е – знач. “Кто-либо по молодости, неопытности слишком легкомысленно относится к чему-либо” (Образ связан с переносным значением компонента *зеленый* – “очень юный, неопытный вследствие молодости”); *нос не дорос у кого* – знач. “Кто-либо еще слишком молод, неопытен, чтобы понять что-либо, справиться с чем-либо” (Образ построен на эвфонии и связан с анатомическим кодом культуры). Наблюдения показывают, что люди часто не могут разграничить буквального от образного значения фразем, а это говорит о том, что для говорящих буквальный смысл представлен ментально, даже в случаях, когда фраземы используются только в их образной функции.

5. Внутренняя форма влияет на значение фраземы. Например, *быть у кого-либо под башмаком/ каблуком/ под шпилькой – под чехъл съм* – знач. “быть в полной зависимости, беспрекословном подчинении” (*башмак* в глубокой древности был символическим знаком власти. Компонент *чехъл* (/р/ шлепанцы) в болгарской фраземе указывает, что это касается скорее всего статуса членов семьи и употребляется в ситуациях, когда муж находится в подчинении жены); *доводить/ довести до белого каления (кого)* (*белое каление* – состояние металла, когда он готов расплавиться) – *изкарвам/ изваждам някого от кожата му* – знач. “сильно рассердить кого-либо” (эмоциональное состояние, когда человек теряет самообладание и сильно злится).

Некоторые устойчивые единицы вызывают в сознании образы, которые базируются исключительно на прямых значениях компонентов соответствующих фразем. Для выделения внутренней формы фраземы необходимо целостное переосмысление конкретного словосочетания, которое, сохраняя связь с единичной ситуацией, в то же время, воспринимается отвлеченно от нее как типизированное, применимое и к другим обстоятельствам, чем-либо напоминающим те, в которых оно возникло. А. М. Мелерович выявляет специфику внутренней формы ФЕ, сравнивая ее с внутренней формой слова. Если внутренняя форма слова способна отражать лишь мысль об отдельном, изолированном явлении, то внутренняя форма фразеологизма отражает конкретную, единичную и вместе с тем мыслимую обобщенно ситуацию. Следовательно, значение фразеологизма формируется не на основании мысли об изолированном явлении, а на базе представления об определенной ситуации. “Внутренняя форма фразеологизма – это его ближайшее этимологическое значение, всегда отличное от простой суммы значений образующих его компонентов” [7, с. 66]. В отличие от значений свободных словосочетаний и предложений, значения фраземы входят в семантическую систему языка. Денотатами ФЕ в системе языка служат не индивидуальные, субъективные, а социально закрепленные, типизированные представления об определенных явлениях. “Со своими денотатами ФЕ соотносятся через посредство сигнификатов, закрепленных языковым узусом. Вне контекста ФЕ обладают способностью соотноситься с разнообразными явлениями и ситуациями, подводимыми под определенные денотаты. Благодаря наличию у них социально закрепленного денотативно-сигнификативного содержания, они могут быть отнесены к любым явлениям и ситуациям определенного рода” [7, с. 12]. В процессе общения на первый план выдвигается актуальное значение ФЕ. Вместе с тем, у многих фразем ясно осознается внутренняя форма, которая обуславливает понимание значения фразеологизма. Фразеологическое значение всегда осознается в сопоставлении с внутренней формой, с внутренним образом. Внутренний образ создается при взаимодействии свободного словосочетания с переосмысленным, а значение ФЕ мотивируется внутренним образом (внутренней формой). По мнению В. П. Жукова, “внутренняя форма присуща лишь фразеологизмам, которые могут быть наложены на

свободное словосочетание такого же лексического состава и на его фоне дают семантический и метафорический эффект”, например: *брать быка за рога, бросать камень в чьей-либо огород, висеть на волоске, выносить сор из избы* и др., а значение ФЕ типа *на дружеской ноге* “быть в близких, дружеских отношениях” выводится из значения компонентов. Так, значение фразеологизма *палец о палец не ударить* “совершенно ничего не сделать” мотивировано, ибо ясно осознается его внутренняя форма, но это же значение фразеологизма нельзя вывести из значения каждого компонента в отдельности, ибо они деактуализированы в семантическом отношении. “Мотивировка и выводимость – явления различного порядка в области фразеологии” [5, с. 8].

Внутренняя форма ФЕ определяет национально-культурную специфику устойчивого словесного комплекса, его национально-культурный параметр. Этот параметр связан с определением видения картины мира носителями языка и может быть полезен не только для изучения языка, но и этнографии, обычаев и верований, а также жизненных ситуаций, связанных с типом мышления, образом жизни и проч. Так, например, русская ФЕ *в Тулу со своим самоваром не ездят* (т.е. проявлять излишнее старание там, где не нужно) основана на ситуации, связанной с тем, что в Туле делали лучшие русские самовары. Болгарская ФЕ *каня някого с бъклица* (знач. „упрашивать кого-либо на коленях“) свидетельствует о традиционном болгарском обычае уважаемых гостей приглашать с “бъклица” (с баклагой, флягой для вина), наполненной вином или ракией; *бъклица ли чакаш* (букв. ждешь особого приглашения, что ли?) и т.п. Русской ФЕ *язык до Киева доведет* соответствует болгарская – *с питане до Цариград се стига*. Значение обеих устойчивых единиц “спрашивая, можно получить нужную информацию”, модель словосочетаний одинаковая, различаются только компоненты - города Киев и Цариград – административные центры Руси и Турции, это связано и с географическим расположением данных стран. Данные фраземы имеют параллельные структуры в обоих языках, построены по одной модели, имеют одинаковый образ, т.е. имеют одинаковый концептуальный потенциал, но каждая фразема обладает спецификой, связанной с объективными факторами.

Не всегда легко можно определить характер внутренней формы устойчивых словосочетаний, кроме того, все группы ФЕ имеют неоднородный характер образных основ, которые закрепились в языке. Трудно выявить общие закономерности иллюстрации образных основ без этимологического анализа, так как и немотивированные для современного человека (социума) устойчивые словосочетания, когда-то соотносились с конкретной реальной ситуацией и конкретными причинами закрепления определенного значения за этим когда-то свободным словосочетанием, к тому же, слова меняют свое значение.

Денотат ФЕ – это его внутренняя форма, которая отражает реальные отношения между явлениями действительности. Культурный компонент – часть семантики языковой единицы. «Внутренняя форма ФЕ в языковом сознании народа коррелирует с культурным концептом – основной ментальной единицей национальной картины мира» [1, с. 24].

Мы присоединяемся к мнению исследователей, которые считают, что “характер внутренней формы фразеологических сочетаний зависит от семантической структуры стержневого компонента и от соотношения семантики слов-компонентов ФЕ с фразеологическим значением” [7, с. 22]. Компоненты устойчивых словосочетаний играют разную роль при формировании фразеологического значения.

Внутренняя форма ФЕ в языковом сознании народа коррелирует с культурным концептом – основной ментальной единицей национальной картины мира. Поэтому внутренняя форма ФЕ выполняет мотивирующую функцию, выступая своего рода опосредствующим звеном между значением ФЕ и обозначаемой предметной ситуацией. Она определяет национально-языковую специфику фразеологического значения, что обнаруживается в процессе сопоставления соотносимых ФЕ в разных языках.

Комплексный лингвистический анализ отдельных фразеологических микросистем русского и болгарского языков убедительно свидетельствует о том, что и в структурном, и в семантико-коннотативном плане их фразеология обнаруживает много общего. Эта общность особенно бросается в глаза, когда исследованию подвергается максимально полный материал не только литературных языков, но и диалектов и сопоставление ведется методом структурно-семантического моделирования [8, с. 49–95].

При сопоставительном анализе русской и болгарской фразеологии необходимо исходить из семантической и структурной многомерности фразеологизмов и строить сопоставление именно на базе этой многомерности, являющейся наиболее специфичным признаком фразеологизма в отличие от слова. В принципе эта многомерность определяется тремя признаками: а) переносным (обычно целостным) фразеологическим значением; б) исходным (обычно расчлененным) значением свободного сочетания, ставшего основой фразеологизма; в) синтаксической конструкцией (моделью), на базе которой происходит интеграция значений компонентов фраземы [4, с. 37].

При воспроизведении фразеологического значения всякий раз “происходит отталкивание, абстрагирование от образа, связанного с конкретной ситуацией (т.е. от внутренней формы)” [7, с. 63]. Нетождественность внеязыковой ситуации отражается на денотативном уровне высказывания. Смысл таких высказываний не может быть воспринят адекватно иностранцем без обращения к фоновым знаниям. Иностранцы, изучающие неродной язык, говорят, что знают значение отдельных слов в ФЕ, но не могут понять общего смысла подобных выражений. Фактически это означает несформированность у них фоновых знаний, представлений о социокультурных ситуациях, отражающих современный уклад нашей жизни. Вне их компетенции оказываются глубинный смысл высказываний: коннотации, которыми они обладают, ассоциации, которые они вызывают.

References:

1. Alefirenko N. F. (2008) *Frazeologiya v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradigim*. Moskva.
2. Berdyaev N. A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. V 2 t. Moskva.
3. Gak V. G. (1999) *Nacionalno-kul'turnaya specifika meronimicheskikh frazeologizmov // Frazeologiya v kontekste kul'tury*. Moskva.
4. Georgieva S. I. (2011) *Russkaya frazeologiya v zerkale bolgarskogo yazyka*. Sofiya.
5. Zhukov V. P. (1978) *Semantika frazeologicheskikh oborotov*. Moskva.
6. Zolotyh L. G. (2008) *Problemy kognitivno-semanticheskogo modelirovaniya frazeologicheskogo znacheniya // Idiomatika i kognitivnaya lingvokul'turologiya*. T.2, Belgorod.
7. Melerovich A. M. (1971) *O vnutrennej forme frazeologizma // Voprosy semantiki frazeologicheskikh edinic*. Ch. I. Novgorod.
8. Mokienko V. M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya*. Moskva.
9. Teliya V. N. (1999) *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kultury*. Moskva.
10. *Etimologicheskij spravochnik. Slovar russkoj frazeologii. Istoriko-ehimologicheskij spravochnik* (1998) Sankt-Peterburg.